

ЛИТЕРАТУРА И БИОГРАФИЯ

В РОМАНЕ Ю. Н. ТЫНЯНОВА "ПУШКИН"

Статья публикуется с разрешения автора

Оригинал здесь: [М. Назаренко. Литературоведение.](#)

Парадоксальным может показаться тот факт, что Юрий Тынянов, автор трех романов, посвященных писателям первой трети XIX века, в своем научном творчестве не уделил достаточно внимания проблеме включения писательской биографии в историю литературы. Напрашивается очевидный ответ: литература и филология были для Тынянова непересекающимися (или слабо пересекающимися) сферами деятельности. В этом же плане может быть интерпретирован неоднократно подчеркивавшийся, в том числе самим Тыняновым, "уход" ученого в литературу.

Наиболее четко и последовательно эту мысль высказывала М. Чудакова: "Именно литературе оставляет [Тынянов] свободное, не претендующее на роль научного суждения обращение с внелитературными рядами - и "ближайшими", и "дальнейшими". Теоретическое осознание раздельности дела поэта и его биографии оказалось столь сильным, что как бы тесно ни приближалось в его романах одно к другому, как бы ни были многочисленны перебрасываемые автором мостики между этими двумя сферами - берега не смыкаются" [Чудакова 1986: 123].

Схожим образом рассуждает и Г. Левинтон: "[...] несоотнесенность жанров романа и научного исследования" проявляется, в частности, в том, что "статья "Безыменная любовь" не только обосновывает и подкрепляет научными аргументами гипотезу, отраженную в романе, но одновременно подчеркивает *необходимость* аргументации, т.е. *гипотетический* характер биографической концепции, которая в романе предстает как безусловная реальность" (курсив автора) [Левинтон 1991: 127, 129]. Афористичное наблюдение М. Гаспарова подытоживает тему: "Первый роман Тынянова был беллетристикой, соседствующей с наукой, второй - беллетристикой, подменяющей науку, третий - беллетристикой, дополняющей науку" [Гаспаров 1990: 18].

Таким образом, проблема, соответственно, предстает перед нами в нескольких аспектах:

- (1) является ли литературная деятельность Тынянова продолжением его научных изысканий,
- (2) если да, то каково взаимодействие между ними,
- и (3) какова тыняновская концепция связи между биографией и творчеством писателя.

Ответ на первый вопрос может быть только утвердительным: начиная с Б. Эйхенбаума большинство исследователей сходится на том, что не только роман "Пушкин" можно рассматривать как "подготовленный всем ходом научной историко-литературной работы Тынянова и органически вытекающий из статьи "Архаисты и Пушкин"" [Воспоминания 1983: 221-222], но и проза Тынянова в целом требует анализа как авторефлексивный опыт приложения формалистической теории к конкретному историко-литературному материалу. При этом, однако, отнюдь не исключается возможность и совершенно иного, так сказать, нетеоретического подхода к тыняновским текстам [Блумбаум 2002: 10-11]).

Вопрос же о взаимодействии двух сфер творчества Тынянова не решаем абстрактно уже потому, что однозначный ответ не учитывал бы эволюцию творчества ученого и критика. Легко можно показать, что каждый художественный текст Тынянова воплощает решение теоретической проблемы, занимавшей исследователя в этот период, а также соотносится с требованиями, которые Тынянов-критик ставил перед русской литературой. В частности - и в особенности - это касается характеристики романного героя и, шире, литературного героя вообще. Г. Левинтон [1991: 129] и А. Немзер [1991: 248-249] показали, что образ Грибоедова в "Смерти Вазир-Мухтара" складывается на основе постулатов, сформулированных в работах "О композиции "Евгения Онегина"", "Сокращение штатов" и "Проблема стихотворного языка", - ни одна из которых не имеет прямого отношения к Грибоедову.

Роман "Пушкин" (1935-1943) был написан в "посттеоретический" период русского формализма, когда опоязовцы по тем или иным причинам оставили "недодуманными" многие свои теории. "Я еще не додумал, буду думать", - этими словами Тынянов завершил набросанный в письме к В. Шкловскому (1929 г.) проект исследования, посвященного методике новых историко-литературных исследований [Тынянов 1977: 513]. Тынянов тезисно формулирует свое понимание творческой личности: это "не резервуар с эманациями в виде литературы и т. п., а поперечный разрез деятельности, с комбинаторной эволюцией